

Ночь с... Владиславом

О запретных плодах. В первой поездке по США познакомился с темнокожей певицей, которая кочевала вместе с нашим советско-американским «табором». Поначалу мы поболтали за выпивкой в меру её знания русского и моего английского в том самом доме миллионера. Потом пошли какие-то мелкие знаки внимания, позажимались даже немного. В один из дней «дринкнули» как следует, и появилось желание продолжить общение по-серьёзному — ускользнули в мой номер. Вот только в недорогих отелях сети Holiday Inn найти укромный уголок было просто невозможно. Во-первых, окна от потолка до пола и шторы, которые на всю высоту стекла никак не натянешь. Во-вторых, беспокойное соседство: бдительный стукачик всегда начеку. Но облом пришёл, откуда не ждали: только мы с моей певицей попытались перейти к активным действиям, в номер стала ломиться наша «песняровская» пьянь: «Открывай, Влад, давай выпьем!» Мы с подругой затаились: не знаю, о чём подумала дама, а я прикинул, что будет, если вся компания увидит мою спутницу, — и, видимо, на лице у меня всё красноречиво отразилось. В общем, на дружеской ноте разбежались по номерам.

Но уже наутро моя новая подруга подошла к переводчице и с улыбкой до ушей попросила передать Владиславу, что приглашает его на встречу. Мало того, разболтала, что сняла номер в другой гостинице в следующем большом городе нашего маршрута, чтобы провести ночь вдвоём. Переводчица (явно с подвязками в КГБ) уже наверняка представляла, как втиснет в отчёт эту упавшую ей в руки «жареную» информацию. С нескрываемым наслаждением она вызвала меня в холл и перевела суть предложения. Пришлось с выпученными от удивления глазами благодарить за внимание и одновременно тактично уходить «в кусты»: плохое самочувствие, ещё и ухо болит... И переводчице что-то мямлить, мол, мисс не так поняла. Конечно, неловко было перед дамой, но иначе заграник уже не видать. Вспомнил эту историю и подумал: в «Песнях» всё было не менее интересно, чем, к примеру, в The Rolling Stones. Когда читал автобиографию Кита Ричардса, существенную разницу увидел только в одном: британцам всё было можно, а у нас — вечное «нельзя». При этом баб, пьянок и прочих звёздных прелестей хватало, но — строго за кадром. И даже такими приключениями, как эта неудачная встреча, не козырнёшь, как анекдот не расскажешь — наступят: до последнего ходили по пятам.

ЗАПРЕТНОЕ КИНО В ДУБЛЁНКЕ

Но по мере ослабления наблюдения в заграниках тянуло на приключения. Помню, как Алла Пугачёва и Валентина Пономарёва

(кстати, бывшая жена нашего пианиста Толи Гилевича, у них общий сын) накупили в Каннах французского вина и зазывали «на дегустацию». Но какое там вино для десяти здоровых молодых мужиков? Мы из гостиницы после очередной переключки рванули назад в выставочный павильон MIDEM (благо, он рядом): кто-то из наших там уже успел посмотреть «кино для взрослых». И правда: одна из скандинавских стран на своём стенде открыто показывает фильм, за просмотр которого в Союзе в тюрьму отправляли. Думаю, это была сцена, достойная кисти художника: группа товарищей в монгольских дублёрках залипла перед экраном, на котором разворачиваются бурные события с участием обнажённых граждан капиталистического мира. Так и простояли с широко раскрытыми ртами до конца запрещённого у нас образчика киноискусства. Однако кассеты взять с собой не решились: и смотреть их ещё было не на чем, да и мало не показалось бы за ввоз такого кино. А уже через год, во второй поездке в Америку, подоспел следующий запретный плод. С солистками советского танцевального ансамбля, тоже отправленного за океан, я, Валера Дайнеко, Шурик Демешко, ещё кто-то из «Песняров» отправились в нью-йоркский кинотеатр. Правда, по незнанию языка не разобрались в его специфике. А в зале — дым столбом и зрители усиленно повторяют происходящее на большом экране. Наша компания досидела до конца, но только глазами хлопала по сторонам: во дают!

«НИЧЕГО НЕ НАДО ПЕРЕДАВАТЬ!»

Во время первых гастролей по Америке журналисты набросились на «Песняров» уже в Харрисонбурге — первом городе турне. Интервью давали всем ансамблем, ориентировал нас в вопросах переводчик. Но мастер-класс в общении с зубастой капиталистической прессой преподал Володя Мулявин. Как раз пошли вопросы от корреспондента «Голоса Америки» (я тогда подумал: знакомые пацаны нас, наверное, прямо сейчас под одеялом слушают). Последний — с провокацией, как нам показалось: «Что передать вашим землякам у радиоприёмников, пока вы находитесь на гастролях в США?» Мы глазами сверлим Володю: кто кого перехитрит? Сказать что-то конкретное — значит признать, что в Союзе ловят «вражеские голоса» и ты в первых рядах. А ведь одно неверное слово могло на наших загранках поставить крест. Но Мулявин не растерялся: «Ничего не надо передавать!» «Почему?» — спрашивает удивлённый журналист. «Мы приедем и сами обо всём расскажем!» Корреспондент, видимо, не понял причину странного ответа на дежурный вопрос. А мы прямо выдохнули от облегчения. Мулявин, наверное, и сам от себя не ожидал такого хода. Ну а потом дипломаты говорили, что ответ Володи достоин учебника! Даже

в советском Министерстве иностранных дел опростоволосившимся дипломатам Мулявина ставили в пример: вот как правильно надо обходить конфликт — не унижительно для нас, не оскорбительно для американцев! Этот ответ отметил и Машеров. Он сказал, что мы сами ещё не понимаем, насколько обскакали дипломатов в ситуации с «Голосом Америки». Впрочем, этот случай показывает, на что расстрачивал Володя свои таланты и время. А мог бы написать на пару прекрасных песен больше.

Отказали Машерову, «постояли» с Сандавалом

Даже мысли не приходило отказываться от загранок: нам было что терять. Да и ставили «Песняров» обычно перед фактом: едешь — значит, всё согласовано везде, где только можно. И первое, что спросили бы: да как вы смеете нос воротить, когда родина вам доверяет? И всё-таки однажды рискнули сказать «нет». Причём самому Машерову, когда он собрался на Кубу!.. Правда, поначалу принялись паковать чемоданы: Куба так Куба — не впервой на край света ехать! (И утомительную гастроль по Сибири с несколькими концертами в день, и сутки дороги на перекладных до Минска тут же забыли.) Но тут выясняется, что на остров Свободы придётся не слетать на пару дней, как Машеров, а плыть на корабле две недели туда и столько же обратно: так уж обеспечили билетами на самолёт делегацию (а в ней был Игорь Лученок). И мы принялись обрабатывать Мулявина: отменить бы поездку... Володе, конечно, досталась задачка! Да, Пётр Миронович был тактичным человеком, не самодуrom, входил в положение, но и в делегацию нас наверняка включили по его личному желанию. Ко всему прочему, не всякий рискнёт пойти поперёк главе республики. И всё-таки Володя выбил «увольнительную» от Кубы после нескольких бесед в ЦК. Что он там говорил — не знаю (но косых взглядов от номенклатурщиков потом хватало). Может, напомнил Машерову, как тот сам предупреждал нас о бедах от «зелёного змия». А посреди океана чего только не выкинешь от двухнедельного безделья и пьянства. Даже не представляю, как «Самоцветы», которые заменили нас в этой поездке, выдержали и не поблёкли после месяца в океане.

Ну а сами «Песняры» на Кубу попали только в конце 1982-го по приглашению на «Варадеро». Вроде фестиваль политической песни, а мы кайфуем, вокруг — латино, любимые джаз и рок, живём на океанском побережье... Ещё и со всемирно известным трубачом Артуро Сандавалом «постояли рядом» на правах гостей, тем более он на всех мероприятиях фестиваля был задействован. Кубинцы его, помню, воспринимали поспокойнее: известный, но местный. А для нас-то — самая настоящая мировая величина!

СОВЕТСКИЙ АРТИСТ В ТРЯПКАХ НЕ КОПАЕТСЯ!

Провезти профессиональный аппарат или инструмент «оттуда» — недостижимая мечта советского артиста. На всё один ответ: ждите централизованной закупки. Причём не только на капиталистические страны замок повесили, но и на соцлагерь, хотя по ценам и качеству их ситуация не особо отличалась от нашей. Разве что по футлярам негабарит распахнешь, а потом дрожишь, чтобы за руку не схватили в аэропорту. Но когда к нам на несколько дней сели на хвост канадские телевизионщики (Сид Гаррис продал им права на съёмки часового документального фильма о поездке), на камеру приходилось зависать в музыкальных магазинах, оживлённо беседовать, пробовать инструменты. А сердце кровью обливалось: канадцы отбирали наше время. Телегруппе позарез требовались свежие планы, а нам бы в шмотки подешевле нырнуть. Конечно, на камеру советский артист копать в тряпках не станет. Зато как только огонёк выключался, разбегались от автобуса в поисках слова «Sale».

ЧАС ИГРАЛИ ДЛЯ НЕЗНАКОМЦА

Кстати, о съёмках. В Чехословакии, Польше, ГДР, а уж тем более в США никому не было дела, в отличие от Союза, какой ногой ты притопываешь во время песни или какой длины твои усы. Пусть на голове «Песняры» нигде не стояли, но и по стойке смирно не вытягивались и ничьих глупых в своей сути запретов не опасались. И эта сдержанная свобода, раскрепощённость вкупе с таким в принципе необычным явлением, как советский ансамбль, наверно, цепляла зарубежную публику. Правда, нам эти программы не показывали, так что оценить себя в кадре мы не могли. Но когда что-то стали выкладывать в интернет, я почувствовал разницу. Вроде те же люди стоят, что и на «Песне года» спустя пару месяцев, но именно «Ой, рана на Йвана» на сопотском фестивале 1971-го даже сорок пять лет спустя пробирает да мурашек своей ударной волной. Многотысячный зал — не страшно, ну и снято на отличном уровне — лучшая телезапись молодых «Песняров», на мой взгляд. Или чудесное исполнение «У місяці верасні» и «Мы песни поём» в чешской программе «Телеварьете»: все улыбаются, такие живые лица у нас, ни одного каменного. Можем же быть настоящими артистами, когда шаг влево, шаг вправо не считаются преступлением. Соло Толи Гилевича как шикарно снято! Конфетка! И с музыкальной точки зрения сразу ясно, почему в Америке Сид Гаррис так ухватился за «русского Питерсона». И при этом — никакой постановки: стали и сыграли нашим большим «оперным» составом в хорошем настроении.

Ещё помню, как однажды после съёмки нескольких номеров на берлинском канале телережиссёр-немец сказал, что здесь есть

свободная студия и он хотел бы послушать наш концерт. И мы для него, единственного зрителя, отработали программу. В конце он спросил, как же это снять, чем он может помочь, но вопрос был не к нам. Так и разошлись, пожав друг другу руки. Ну а вообще-то, когда пересматриваешь фрагменты зарубежных съёмок «Песняров», лишний раз убеждаешься, сколько мы, советская эстрада в целом, потеряли от кем-то придуманных «тормозов» и отстали на десятилетия. Пример? Есть такой телефильм, где нас сняли на горочке в районе Острошицкого городка под Минском — то ли мы привлекательность природе задавали, то ли она нам. Так вот, отснято было несколько песен, и если их посмотреть подряд, то чувствуется, что мы всё ещё не артисты в полной мере (а это 1972 год): потенциал-то есть, но мы стоим неуверенные, на рожах написано «как бы не напортачить», а о том, чтобы лучше вышло, и речи не идёт. Хотя, может, просто боялись навернуться с крутого склона? Впрочем, именно так несколько первых лет перед камерой мы и тушевались, как на той горочке.

ОТЦУ — БУТЫЛКУ КОЛЫ, А ЖЕНЕ ХРУСТАЛЯ НЕ НАШЁЛ

Поначалу из загранок мы везли что-то по мелочам: всё ведь за командировочные. Ковры в Америке оказались не лучше наших, а хрусталь мне ни разу и не встретился. Даже в огромном доме миллионера искал его взглядом, но спросить, почему добра этого нет, так и не решился. (И как же они, бедные, обходятся?) В общем, жене, хрустально-ковровой фанатке, пришлось довольствоваться фирменными шмотками, кстати ещё американскими — в начале 1990-х всё стало китайского пошива. (А о дружбе Чаушеску и Мао Цзэдуна моей бывшей до сих пор напоминают китайские гардины, которыми завалили в 1970-х Румынию.) Гаишникам на сувениры ушёл целый блок американской жвачки — хватало всяких ситуаций. Ну а самым запоминающимся подарком стала литровая стеклянная бутылка кока-колы для отца. Он и год спустя её не открыл: приезжаю — стоит на шкафу. Жалко, говорит, а так есть что друзьям показать! Себе я взял наушники, приятелям — приличную пачку пластинок. Тогда каждому из «песняров» подарили по комплекту записей Барри Уайта, которого продюсировал Сид Гаррис. Кстати, больше пластинок только из Польши и Чехословакии привозил, где издания попроще и цены пониже. Ну и на каннском MIDEM прихватили по полтора десятка «рекламных» дисков ведущих фирм. Хотя официально на это таможня добро не давала — как-никак всё-таки классово чуждое искусство (вот чемодан деревянных фигурок из Бирмы, штука — меньше доллара, это пожалуйста: вези, сколько хочешь!), но на ввоз музыки смотрела сквозь

пальцы: всякий знал, что винил или кассета оттуда — лучше презента не сыщешь.

История о трёх дублёнках

Поменять рубли на валюту в брежневские годы нам не запретили (но и не разрешили официально) только в болгарской поездке. Это значит, можно было втихаря принести в банк и обменять на левы успешно спрятанные от родных пограничников чуть ли не в подошве туфель советские червонцы и двадцатипятки (провёз — твоё счастье, нет — как минимум изымут). К тому же редкая возможность не сидеть на хлебе с салом, а отдыхать как курортники — вот и на дублёнку дочке хватило левов. Разве что в конце 1980-х, когда популярность пошла на спад, мы выглядели как американцы, которые обычно в любой точке мира сорят деньгами. Хотя платили нам всё те же суточные, а страны пошли крайне дружественные СССР, то есть беднейшие. Там мы не спешили хватать первые попавшиеся дублёнки, помня качество в Югославии и Болгарии. Даже на заводе в монгольском Дархане воротили нос. Но коль отдавали за копейки и чтобы не обижать хозяев, взяли сначала по одной. А в итоге чуть ли не оптом закупились там, на производстве: по шестьдесят-семьдесят рублей за вещь, к тому же товар дефицитный — значит, клёвый подарок друзьям будет. Моя, например, ушла на подарок.

Была ещё дублёнка с африканской биографией. В одной из стран на чёрном континенте нас поселили недалеко от порта. Местные шепнули, что там дублёнки по сто долларов. Оказалось, корабль с тёплой одеждой сел неподалёку на мель, а предприимчивые ребята, привычные к подводному плаванию, «зачистили» судно. И хорошие дублёнки, качественные — правда, размер подобрал только для дочки.

И с тысячей сорвёшься «к Масеньке»

Времена менялись, уже и технику стало возможным привезти, а Европа нам по-прежнему была не по карману. Да и не сильно приглашали туда, разве что в контингент советских войск пробивались. Зато в Южной Америке, Африке, Азии даже командировочных хватало: в Европе за три недели набегало под триста долларов суточных, а в этом новом для нас мире за два-три месяца — тысяча-полторы, в зависимости от региона. Правда, сложно не растратить приличную часть этой суммы на экзотические удовольствия: на берегу океана торчишь больше, чем работаешь, особенно с учётом ожидания перелётов. Сначала радостно, забавно, штанишки примеряешь на распродажах. Потом ностальгия накатит, уже и морально

чахнешь. А другой сорвётся, полетит среди ночи в аэропорт: «К Мазеньке хочу». В «Песнях» такое случалось... Тут и о самых больших деньгах забудешь.

Однако радовало, что все советские дефициты стоили в пределах сотни баксов! Так что импортный магнитофон я вёз из Вьетнама, из африканской поездки осенью 1989-го тащил телевизор «Sanyo» (может, и он, как дублёрка, из «утопленников»). Пацаны брали видеомагнитофоны, а Володя Беляев тут же принялся испытывать видеокамеру — так появились известные теперь зарисовки из африканской поездки. Глаз у Вовы, кстати, оказался метким: служивший волнорезом затопленный пароход рядом с пляжем, где мы тусовались в течение двух недель, он так и не снял, зато дамы разной степени лёгкости в поведении в его объектив попали.

ТОПЛЕС ПО-СОВЕТСКИ, СМЕРТЕЛЬНАЯ ГРЕЧКА И «УМНАЯ» ГОРА

Вообще, экзотики сногшибательной и правда хватало. В прямом смысле от неё пострадал звукорежиссёр Лёня Ковалёв в Африке, где нас расселяли в отелях-бунгало прямо на берегу океана. Он запасливо привёз чемодан нормальной еды типа гречки и регулярно с тарелкой каши и бутылочкой ужинал на пляже. Однажды утром появляется Лёня — всё лицо расцарапано. Сначала посмеялись, мол, постарался кто-то из советских дамочек на пляже, которые все до одной загорали топлес (это жёны дипломатов и одинокие посольские «львицы»). Но оказалось, что по берегу ударила высокая волна и сбила Лёню, он ещё чуть не захлебнулся. Другой неудачный пикник случился в Монголии, где мы стали жертвой оптического обмана. Гостиница стояла у самой горы, добраться до вершины которой нам показалось плёвым делом. Взяли водки, закуски и отправились на пикничок. На середине горы стало ясно, что подъём — несколько километров. Но всё-таки решили не отступать. В общем, на вершине в сумерках присели, выпили, закусили и... потопали вниз. Как говорится, умный в гору не пойдёт. Кстати, в этой гостинице было на удивление много иностранцев — странно для довольно закрытой страны. Оказалось, тут очень выгодно охотиться, а ещё и рыбалка на красную рыбу пользуется спросом: местные её почти не едят.

НАДОЕЛИ ЛАНГУСТЫ, ИЛИ СУП-КОНЦЕНТРАТ НА ВЫСОТЕ ДВЕ ТЫСЯЧИ МЕТРОВ НАД УРОВНЕМ МОРЯ

В Индии «Песнярам» между концертами показали школу йоги, дом Николая Рериха. На улицах кое-где бегали обезьяны. А какие сладкие были бананы пурпурного цвета! Ну и контрасты невероятные: вот шик в отелях — и рядом бедный музыкант с жизненным

пространством в пятьдесят метров со своей хибарой. За три недели в Бирме уже тошнило от лангустов, зато как бы они пригодились в поездке по Латинской Америке! Скажем, в Тринидад и Табаго в бытовом плане всё было настолько просто, что за продуктами мы на рынок ходили сами. Правда, нас сопровождал охранник: хотели отказаться, но нам сказали, что все иностранцы в этой стране перемещаются так — пули над головой не летали, но мало ли. Была от крепкого парня и практическая польза: он подсказывал, где и что купить подешевле, хотя понимали мы друг друга в основном на пальцах.

За двадцать дней в Мексике всего три концерта. Так что сгоняли на их ступенчатые пирамиды, на огромный базар серебра в Мехико, «посветились» на телекамеры, с берега нам показали морские владения пиратов... Даже встретили Новый год в советском посольстве, для чего нашёлся литр спирта. Правда, с едой, кроме праздничного приёма, и тут было туго: ананасы, конечно, по пятьдесят центов за «кочан», но долго ими сыт не будешь. Так что готовили любимые лидские концентраты, а поскольку Мехико находится на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря, суп варился (вернее, парился) при семидесяти — восьмидесяти градусах, но не пятнадцать минут, а часа полтора. Из маленьких радостей — традиционная дегустация пива в барах. Но оно не пошло, как и местная водка: круглосуточно одинаковая парилка после нашей зимы изматывала! Хотя местные преспокойно потягивали пивко.

ХОТЕЛИ ПОСПОКОЙНЕЕ, А РЯДОМ ПОСТРЕЛИВАЛИ

И всё-таки неплохо, что Москва приберегла для нас экзотику на потом. Тем более характер популярности «Песняров» изменился: нас приглашали «достойно представить советское искусство» — почти как Зыкину или Кобзона! Вот почему на Фестивале молодёжи и студентов в Москве у «Песняров» никакой эйфории от общения с зарубежными гостями, как когда-то в Берлине? Просто мы к 1985-му уже насмотрелись на заграницу. Да и для конкурсных баталий ансамбль уже не котировался. А главное, что времена здорово поменялись: под «Баладу аб камсамольскім білеце» Дворцы спорта уже не вскакивали.

Но свои прелести есть в любом возрасте. А когда становишься старше, хочется чего-то поспокойнее. Хотя зацепкой в латиноамериканском турне конца 1981 — начала 1982 года стала не самая спокойная Гренада. Только-только победила просоветская революция, и мы ощущали себя в особом статусе. Чего стоит одна только шикарная резиденция генерал-губернатора времён колонизаторов, куда нас поселили! Правда, и «обслужить» пришлось буквально весь

остров: «Песняры» сыграли всего два концерта, но на этом огромном стадионе за два раза побывали чуть ли не все гренадцы. (То же самое в Бирме в 1985-м: двадцать дней подряд выступали на одной открытой площадке — и всегда «биток».) А рядом шло строительство аэродрома. И в самом начале новой революции пару лет спустя американисты первым делом захватили этот советский «презент». В Никарагуа вообще параллельно нашему концерту постреливали, так что «Песняров» перевозили в сопровождении броневиков. Ничего, привыкли. Ну и доплачивали за «горячие точки» — аж девятнадцать долларов командировочных выходило: выше некуда! А вот во Вьетнаме — никаких доплат, зато директору ансамбля прострелило ногу. Это местные в честь Нового года по восточному календарю палили на улицах в феврале 1989-го...

«КОНТРИБУЦИЯ» ВМЕСТО ДИЕТЫ

А лучшие командировки в 1970-х — хотя бы дней на двадцать (десять — мало, а месяц — уже домой тянет). Тогда на суточные можно хоть что-то прикупить. Конечно, если сидеть на строгой диете из привозных харчей: та же колбаса, супы-концентраты, сало, макароны, тушёнка, консервы типа лосося в собственном соку и вечный друг-кипятильник. Впрочем, к концу поездки всё равно срываешься: своего на три недели не напасёшься, да и устаёшь от крохоборства. Клёво было, если брали на полный пансион: командировочные, считай, на карман. Правда, во Вьетнаме при этом предлагали местную пищу. Саша Растопчин дегустировал тараканов и змей, а большинство, в том числе и я, сидели со скривлёнными рожами. (К счастью, нашёлся и европейский стол.) Ну и в дружественных соцстранах было ничего. В той же ГДР, к примеру, очень низкие цены. Помню, как в 1974-м я и Володя Николаев (мы тогда жили в одном номере) накупили по дешёвке столько колбасы и сыров, что закрыли вопрос с пайкой на полмесяца — до конца гастролей. Лучше страны я не видал! Годом же раньше в Восточном Берлине Чесик Поплавский засёк, что хозяин продуктовой лавки напротив отеля чуть ли не в ноги падает перед артистами из какого-то московского танцевального ансамбля. А те выходят с полными пакетами продуктов. Чесик на разведку — и является обратно с таким же пакетом. Оказалось, хозяин — бывший военнопленный, и он благодарен русским, что не убили его. Жалко, что утром мы уже уезжали: «контрибуцию» больше никто из «песняров» не получил.

СТОНАЛИ ОТ ПИВА

Да, бытовуха нередко затмевала творческие впечатления от заграничек. Рты мы разевали буквально ото всего! В машине у канадской

телегруппы впервые увидели магнитолау с радио и даже спорили, кто с ними поедет — послушать больно хотелось! В польской Зелёной Гуре у Шурика Демешко был приятель-футболист (из брестского «Динамо» он уехал в Польшу), который пригласил нас в типичную забегаловку с очень вкусным местным пивом и отличными сосисками. Ох, как долго мы с Шуриком стонали, мол, почему у нас нельзя устроить такие общепиты!.. Первое впечатление от берлинского X Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в 1973-м — столпотворение, наверное, как на карнавале в Рио-де-Жанейро, ну и море пива прямо на Александерплатц. Прага в 1972-м тоже запомнилась разливным пивом: маленькая кружка — десять копеек, большая — двадцать, если на наши деньги (в Союзе бутылка стоила двадцать две копейки, где две — тара). Но качеством из всех советских сортов разве что лидское в какой-то период могло сравниться с тем чешским. Даже в чехословацких гарнизонах советских войск на банкетах водки почти не было — зато вкусняющим пивком хоть залейся! Правда, у чехов принято его под сухарики употреблять. Но я помню, как на банкете мэра одного городка отбивал таранку наравне с советскими офицерами.

«Песняры» скупили всю водку в Болгарии

На Западе в принципе не принято напиваться до чёртиков. Помню, что к концу первой американской поездки запас советской водки выпили и раздали. Наскребли по чемоданам пару бутылок, чтобы отметить День Советской конституции — тем более американцы к таким поводам относятся трепетно. Так ребятам из The New Christy Minstrels хватило и пары рюмок, чтобы упиться, а мы — ни в одном глазу. У них же всё с соком или с содовой. Кстати, полезное английское слово «juice» мы выучили в Праге в 1972-м. Шурик Демешко в ближайшем к отелю ресторанчике заказал стопку водки. Ему наливают эту дозу в четыре килишка (рюмочки) и приносят со стаканчиком «джуса». Ну, Шурик артистично опрокидывает, запивает и, ясное дело, просит повторить. К закрытию пивнушки вокруг него выстроилась армада из килишков и «джусовых» стаканчиков, заведение наливало за свой счёт, а Шурик всё жаловался, что и не выпил толком. Тогда мы посмеялись с чехов: мол, водку экономят. Но спустя пару лет в Болгарии оказалось, что во многих европейских кафешках больше бутылки «горькой» и не держат: спроса нет. А «Песняры» после удачного выступления на «Золотом Орфее» как раз и решили выпить в приморском кафе. Рюмка-другая — и отправили того же Шурика сразу за целой бутылкой: чего уж мелочиться. Но уже следующему гонцу из наших рядов бармен с выпученными глазами заявил:

«Больше нет — представляете, какие-то русские музыканты скупили всю водку!»

БАНКЕТ В АКВАРИУМЕ

Конечно, по первому времени в загранках многое удивляло, начиная с бытовых мелочей. Но поездки по соцстранам очень скоро слились в нечто единое. Повлияло и то, что на фестивали «Песняров» уже приглашали не конкурсантами, а гостями — это значит выход без напряжения с парой песен. Вот потому на болгарский «Золотой Орфей» по второму разу приехали как на курорт. От «Золотого льва» в Лейпциге, точки в конкурсной биографии «Песняров», в памяти остались не призы (хотя после всё ещё памятного Волжского любовью плюсик казался козырем: мало ли...), не выступления на одной сцене с Вальдемаром Матушкой и Карелом Готтом, а банкет в аквариуме Лейпцигского зоопарка. За стеклом плавают рыбы, змеи, невиданное животное тяни-толкай, а мы у столов выпиваем. Даже известнейшая в Союзе «Братиславская лира» ничем не запомнилась (хоть москвичи, привозившие оттуда дипломы, котировались у редакторов на центральных радио и телевидении).

А о Польше всего и не упомнишь — частенько бывали. И за местной музыкальной ситуацией следили: наверное, только восточные немцы и венгры могли похвастаться таким количеством оригинальных групп в соцлагере. Зато когда мы оказались в Зелёной Гуре, интересно было разобраться, из каких таких чувств поляки уже девятый раз проводят аж четырёхдневный фестиваль советской песни. Ясно, что мероприятие не без политической окраски, что советские песни звучали в Польше регулярно в оригинале и в переводах, причём поляков, естественно, никто не спрашивал, хотя они это слушать или нет. Но мы поразились, увидев забитый зрителями огромный амфитеатр, на сцене — блестящий оркестр с известным дирижёром Хенриком Дебичем, среди артистов — настоящие звёзды Марыля Родович и Анна Герман, известные и у нас. И никакого отторжения ни от публики, ни от музыкантов.

На этом же фестивале подтвердилось ещё с Сопота подмеченное (а потом подтверждённое на «Золотом Орфее», к примеру): заметно не наш уровень проведения. Это была высокая планка в организационном плане, до которой советские фестивали не доросли. Примерно так же впечатлил фестиваль польской песни в белорусском Витебске, который просуществовал недолго и трансформировался в «Славянский базар». Другое дело, что массовый интерес к польской эстраде тогда, на стыке 1980—1990-х, уже поутих — мир музыки вдруг стал для советского человека куда шире. Хотя я помню свои впечатления от прекрасных вокалистов и коллективов,

которые прибыли тогда в Союз: на некоторых концертах побывал, ведь «Песняры» тоже участвовали в витебском форуме.

«ПЛАТИ ЕМУ И ПОЙ, СКОЛЬКО ВЛЕЗЕТ»

В 1976-м «Песняры» впервые прочувствовали, что значит работа продюсера. Володя Мулявин во время одного из переездов предложил исполнить что-нибудь из репертуара The New Christy Minstrels. (Общались мы через поляка-банджиста, который худо-бедно разбирал гремучую смесь русского и английского.) Один из «менестрелей» на портативном магнитофончике включил свои песни. Володя выбирает одну, другую, но права на них, оказывается, отошли по генеральному договору Сиду Гаррису. «Плати ему и пой, сколько влезет», — объясняет американец условия. Послушали дальше, но от остальных вещей уже сам Вова вежливо отказался: вроде нет с ними такой мороки, но они послабее.

В РАБСТВЕ У СИДА ГАРРИСА

Помню, мы тогда обсуждали, что Гаррис по нашим меркам вроде как главный администратор, а клёвые песни чувствует! Всё-таки музыкантское прошлое давало о себе знать. Но брал он от «менестрелей» по полной — забирал всё написанное в рабочее время, даже черновики, сделанные в автобусе. А чтобы ничего не пропало, Гаррис снабдил каждого пишущего артиста миниатюрной печатной машинкой и теми же магнитофонами. И это в договоре, где расписывалось всё, вплоть до продолжительности репетиций, на которых он снова и снова нацеливал «менестрелей» на подобный конвейер. Так мы открыли, что рабство в Америке ещё существует в такой своеобразной форме. У нас перед глазами был талантливый музыкант Мулявин, который действовал с точностью до наоборот: не пошёл материал — в урну! А уж отношения «менестрелей» с продюсером показались непонятными и неестественными. Подчиняться какому-то дяде? Да в знакомой нам советской системе для него просто не нашлось бы места! Единственным, кто легально зарабатывал деньги на артистах в Союзе, было государство. Это его мощнейшими ресурсами и квалифицированными редакторами, которые опирались на категорию таланта, «Песняры» и раскрутились. Так что в ансамбле, кроме артистов, были должности художественного руководителя, администраторов, рабочих, техников, а самая аншлаговая многодневная гастроль влёгкую организовывалась по телефону! Правда, мы зарабатывали в десятки раз меньше, чем «рабы» из The New Christy Minstrels, но кто тогда об этом думал? Хотя, возможно, энтузиазма поубавилось бы, вкалывай мы месяц-другой за девятнадцать баксов по два концерта в день, когда «ссобойки» закончатся.

КАЖДОГО ИЗ НАС РАЗВОДИЛИ НА ЧЕТЫРЕСТА ВОСЕМЬДЕСЯТ ОДИН ДОЛЛАР С КОНЦЕРТА

Да, только во время первых гастролей по Америке мы узнали, что наши заработки — едва заметная верхушка верхушки огромного айсберга. Тогда на каждого перепало по девятнадцать долларов суточных. Столько же давали лет через пять в Никарагуа, где шли боевые действия, а больше всего почему-то платили в том же 1976-м на протяжении целого месяца в Югославии — тридцать баксов в день, и там было чем закупиться на эти деньги. Конечно, мы их спускали на шмотки: джинсы тогда ещё стоили максимум десять баксов. Но целыми днями жевали бородинский хлеб (он и месяц хранился) с советской сухой колбасой или салом. Особенно усиленно, если в очередной гостинице завтрак не входил в стоимость проживания. Экономя суточные, я не спешил лечить разболевшееся во время поездки ухо. Мучился, держался за него, но американцам не признавался. И просто выдохнул от облегчения, когда на экскурсии в доме американского миллионера наш американский импресарио Сид Гаррис предложил бесплатный осмотр доктора. И выданные по рецепту капли мне вручали, повторяя: «Это бесплатно! Бесплатно!» Кстати, каждый музыкант из The New Christy Minstrels, как мы случайно выяснили в разговоре, получал по пятьсот долларов за концерт. Мы предполагали, что по контракту «Песнярам», которые со второго концерта закрывали выступления, а не разогревали местных артистов, причиталось не меньше. Но деньги эти через посольство шли родному государству за вычетом суточных. (Правда, не удивлюсь, если наш Госконцерт ушлые американцы смогли провести на мякине и пятьсот баксов выходили в день на всех «песняров» скопом, а не на каждого.)

КАК ИРЖИ ГРОМАДКА БЕНЗИН ЭКОНОМИЛ

Но не только в Америку нас «продавали» на билетные концерты. В начале 1970-х «Песняры» стабильно собирали дважды в день баскетбольные залы на пару тысяч мест в Польше. После выставки советских достижений в Чехословакии тоже пошли концерты «на кассу» по городкам вокруг Праги. Нам здорово помогло участие чешского певца Иржи Громадки. Он приятный парень, да и спелись «Песняры» с ним на первой же репетиции, тем более взаимные репеевки почти не расходились по тональностям или аранжировкам. Кстати, о несладкой жизни чехословацких звёзд: Иржи перед концертом выезжал за город на своей машине, оставлял её на обочине, чтобы сэкономить бензин, и подсаживался в наш автобус.

ОБИДА КАРЕЛА ГОТТА

Ещё с одним чехом, Карелом Готтом, мы впервые встретились на какой-то летней эстраде в ГДР, куда приехали его сменять — тоже по билетам. Популярнейший артист с огромным репертуаром на немецком, на сцене сильнейший ансамбль, а публики человек шестьсот — всего ползала. Мы тогда как-то очень заметно удивились и, наверное, задели этим Готта. Он ответил, что количество публики ни о чём не говорит, а народной любви ему хватает. Я лично убедился в этом в одну из чехословацких поездок (которых было немало, а объединяла их переводчица, с которой так и не смог подружиться один из вокалистов). Тогда мне и ещё кому-то из наших ребят обломались билеты на концерт сопрано-саксофониста Феликса Словачека из ансамбля Готта. Смотрю, и сам он в зале, правда совсем не в сценическом наряде: петь Карел не собирался, это точно. Но когда его буквально вытянули овациями на сцену, сразу предложил... сыграть импровизацию, чтобы не перетягивать на себя одеяло на сольном вечере Словачека. «Самое важное — достойно работать» — сразу вспомнил ещё одну фразу Готта. А последняя встреча с чехом случилась лет семь назад у Кремлёвского дворца съездов. «Белорусские песняры» выходили с репетиции, а навстречу, чуть впереди от группы музыкантов, двигался мужчина с гитарой в футляре. Фигура, походка — точно Готт! Подошёл к нему, сказал, что я участник тех «Песняров», напомнил о наших встречах. К счастью, обиду Карел давно забыл. И в процессе разговора показывает руками мулявинские усы и спрашивает по-русски: «А где ваш главный?» Сказал, что его уже нет. Готт только головой покачал: жалко, мол...

БОЛГАРСКИЕ ЛАБУХИ

За рубежом (причём в соцлагере!) немного поиграли в рестораничках. Без внутреннего дискомфорта из-за того, что кто-то жуёт весь концерт. Там норма слушать полноценный концерт на такой площадке, а не только плясать под каверы да водкой запивать. Ну и пальцем, как в Союзе, никто не тычет: «Позор, товарищи, позор!» Впервые «Песнярам» предложили отыграть такой концерт в польской Зелёной Гуре. А в Болгарии на всё лето зазывали в приморский ресторан: видимо, лабухи мы были что надо! «Хорошие деньги поднимете, если играть для туристов», — обещали нам. Целый сезон на море — клёво! Но такие предложения пропускаются не через мозги, а через Госконцерт. А мудрецы из Москвы отправили для культурного обеспечения «своих», московских же, артистов, у которых соображалка лучше работала. Мы ведь за выезды никому не приплачивали, из командировок привозили ответственным

лицам разве что сувениры. Но хватало и тех, кто целыми коллективами затаривался в двойном размере: чемодан — себе, второй — отправившему чинуше. И всё равно в 1970-х у нас стабильно выходило по две загранки в год, и порой по несколько стран за выезд.

Подвёл Лученка

Кстати, о сувенирах. Перед моей последней поездкой в Америку в составе «Песняров» Игорь Лученок попросил передать от него Данчику сувенир — сборник белорусских песен. «Ну и добавь что-нибудь от ансамбля, ему приятно будет», — сказал Игорь. Правда, никаких цэу на этот счёт не дал, так что пришлось действовать по ситуации. У нас с собой были разные плакаты ансамбля, но мы их к моменту встречи почти полностью раздали. Оставалось только несколько буклетов к программе «Во весь голос!» — финская печать, самые красивые из всей нашей полиграфии. В общем, один я заначил для Данчика. А потом с горячим приветом от Игоря (и даже с каким-то хулиганским наслаждением) вручил певцу из рядов анти-советской эмиграции вместе со сборником белорусских песен этот самый буклет со стихами Маяковского: мол, лучшее из всей продукции с нашими рожами — не сомневайся! Данчика аж передёрнуло от такой любезности.

По курсу пачка «БЕЛОМОРКАНАЛА» НА БЛОК «САМЕЛ»

Лучшим презентом от нас для американцев были не значки, которыми мы по совету райкома партии запасались перед первым выездом, а сигареты. Наши ребята умудрялись выменять у местных пачку «Беломорканала» на блок «Camel». Сумасшедший курс! Тогда я даже пожалел, что не курил. В Индии, наверное, прокатила бы любая ценная вещь, но особо котировались фотоаппараты. Причём их не покупали, а меняли. Мне приглянулся для жены комплект из колье, сережек, браслетов у продавца в холле гостиницы. Командировочные, как всегда, заканчивались, так что пришлось отдать «Зенит» — даже не мой, а взятый у приятеля. Но секрет был в том, что камера работала через раз. Потому все дни до отъезда я надеялся, что индус не станет экспериментировать с камерой. Раз меня никто возмущённо не разыскивал, покупатель, видать, был таким же спекулянтom, как и я в этой ситуации. Ну а приятелю по возвращении купил «ФЭД».

Взятки от индусов

По деньгам послабления за границей пришли, как и все прочие в нашем цеху, всё с той же перестройкой. В Индии (дело было в 1985-м), например, зрители выбегали на сцену и заталкивали

за пояс артистам купюры. Мы струхнули поначалу: а если придёт дядя в штатском и скажет, что мы брали взятки в валюте? Но посольские успокоили: это у них традиция так благодарить музыкантов, если людям нравится песня. Ещё пару лет спустя во Вьетнаме «Песняры» отработали дополнительный концерт на табачной фабрике в Ханое. Обычно такие выступления сулили презенты от принимающей стороны. Но тут хозяин фабрики спрашивает: «Наверное, водку со змеёй вам уже дарили?» Мы киваем. «Я вам деньгами дам», — решил он и выдал каждому наличные. Все посмотрели на руководителя делегации, а он как раз что-то усиленно рассматривал на соседней стене. В общем, договорились молчать. А деньги пришлись впору: командировочные у всех были на исходе.

А СКОЛЬКО В КАРМАН?

Кто поверил бы при стукачах, что мы сыграем концерт для белорусской диаспоры в американском Кливленде? Мало того, мы даже заработали за него в 1991-м примерно две тысячи долларов. Правда, еле-еле вырвали их у прилипал при руководстве ансамбля, чтобы прикупить хоть какую-то аппаратуру. Потому-то не удивительно, что со своей колбасой мы не расставались и после распада Союза. Может, кстати, американские белорусы это заметили: в Кливленде зрители подходили после концерта, молча совали нам доллары по карманам и похлопывали по плечу. Не знаю, как остальные, а мы с Сашей Растопчиным по полсотни получили сверх суточных. А ещё по сотне на руки каждому выдали за халтуру в «Распутине».

«КОНВЕРТЫ СЧАСТЬЯ» С ЗАГАДОЧНЫМ ПОРОШКОМ

С гостиницей нам однажды крупно повезло в ФРГ. После сувениров в виде советской водки и икры хозяин отеля предложил «Песнярам» пользоваться бассейном, баней и тренажёрным залом бесплатно. Зато когда в Швейцарии советское представительство организовало нам экскурсию вокруг Женевского озера, где были дома мировой элиты (например, Чарли Чаплина), у нас только слюни потекли. Ведь нас самих поселили в гостиницу... Ну, не знаю с чем и сравнить... Разве что с Глубоким, где мы выступали еще безымянной бригадой по цене кабаньей туши. Тут даже «Песняры» с опытом выживания за рубежом скул подняли. Но, матерясь, мы с Шуриком Демешко разложили в шкафу съестные припасы — в основном пакетики людских супов-концентратов. Только закончили, как на пороге нарисовался посольский клерк. Мол, ошибка вышла: ансамблю полагались номера в отличной гостинице, да ещё

и с завтраками! На радостях мы с Шуриком так рванули дверцу шкафа, что полка, которая и так держалась на соплях, обвалилась, а пакеты с концентратами посыпались на пол. Мы их даже не стали собирать в предвкушении халявной еды в нормальной гостинице! Представляю выражение лица горничной, когда она увидела десятки этих «конвертов счастья» с загадочным порошком...

СОБАЧЬЕ МОЛОКО ПО-АМЕРИКАНСКИ

С акулами капитализма так просто не договоришься. Ну сводили нас после очередной нервной репетиции программы «Эстрада-77» в Нью-Йорке в ближайший «Макдональдс». А так харчевались за пятьдесят центов половиной пиццы и бутылочкой кока-колы. Правда, спустя пару дней уже перешли на советские колбасу и сало — всё-таки гастрольное питание «ломает» (настолько, что недели две после приезда из США я перестраивался от их уже тогда искусственной пищи на нашу). Вот только молока не хватало. Когда припёрло, мы с Шуриком Демешко прикупили сразу двухлитровую бутылку, чтобы охоту согнать. Даже удивились, когда за неё и ветку бананов отдали пару долларов — ещё сносно по их ценам. Правда, выпив почти до дна, увидели на этикетке собаку. Оказалось, молоко для животных. Но ничего: мы оказались ребятами крепкими — выстояли.

БАС МАККАРТНИ ЗА УКРАДЕННЫЙ САКСОФОН

За границей мне везло на воришек — мелких и покрупнее. Сначала во время репетиции в амфитеатре Зелёной Гуры у меня исчез отличный кашемировый свитер — единственный, который я взял в поездку. Под прохладный ветерок оставалось только сокрушаться, что и западное общество далеко от совершенства. А через год прямо со стойки берлинской гостиницы у меня увели новенький ещё саксофон «Selmer», тот самый, купленный за первые крупные «песняровские» заработки! Хорошо если два года им попользовался! И потерял ведь на трезвую голову: после концерта в советском посольстве вышел из автобуса у отеля — нет флейты. Тогда я оставил на стойке футляр с саксофоном, побежал назад, а через минуту вернулся — уже саксофона нет. Кинулся по нашим пацанам — никто не брал. Служба охраны гостиницы только руками развела — мол, не ты первый, а местная полиция за такое глухое дело даже браться не стала. Но возникла проблема: на чем играть? Тогда я набрал в Германии примочек, а все командировочные (и у ребят занял) вложил в бас-гитару «Hofner» — как у Пола Маккартни, с декой вроде огромной скрипки. За ещё одного гитариста сошёл, но на свой страх и риск: в этот раз таможенники считали футляры и не сверяли

их наполнение по серийным номерам с ведомостью. Всё это добро в советской столице с руками оторвали за тысячу рублей. Но мой «Selmer» ведь стоил полторы... Короче, этих денег хватило на голландский «Eindhoven» — клёвый, конечно, но не совсем то... Зато жена сразу заметила подмену. Но я не признавался, всё говорил, что она давно в футляр не заглядывала — забыла, мол, как выглядит. Но кто-то сболтнул при ней, что мой саксофон украли. Ох и погоняла она меня тогда «бязозавым прутам»!

КАК КЛОНИРОВАЛИ КОНТРАБАНДНЫЙ ПУЛЬТ

Правда, мог вообще остаться ни с чем. Ведь буквально пару лет спустя доблестная советская таможня мёртвой хваткой вцепилась в стереофонический микшерный пульт «PWay», который «Песняры» раздобыли в Америке и пытались ввезти в Союз. Громадину эту никак не спрятать, так что везли в открытую на свой страх и риск, хотя знали, что нельзя (во всяком случае, не рекомендуется). Проблема стала в огромной таможенной пошлине, которую не собирались платить ни филармония, ни Министерство культуры. Правда, и предложить взамен этого аппарата нам ничего не могли. Тогда пришлось пол-Москвы всполошить и здорово поскандальить, чтобы вырвать своё. А ведь дальше этот пульт, что называется, полстраны кормил. У «Песняров» была связь с военным заводом в Брянске, который делал первые советские пульты или, к примеру, первые стринги, изображающие скрипки. Мы давали брянским ребятам раскручивать усилители из наших комплектов «Динакорд» и снимать схемы. Сначала они это делали из интереса, но со временем по этим чертежам вполне успешно собирали такие же агрегаты, но уже из комплектующих для военных приборов. Ну а когда у «Песняров» появился «PWay», они и в нём напросились покопаться. Так что скоро подобие этого пульта брянский завод воспроизводил в том числе и для ансамбля.

«Дорогие жители Хуи... гальпы»

В «горячей точке» Никарагуа мы отработали почти месяц. Горячей она была не только из-за перманентных перестрелок, но ещё и по погоде. Помню, только «Песняры» сошли с московского самолета, как нас просто пришибло местной жарой. А тут ещё прибыл фирменный автобус из отеля. Мы давай было впихивать в него свой скарб. А он не вмещается. Стали доставать, перекладывать. В общем, потратили на всё час, не меньше. Но только сели, как автобус развернулся на дороге и остановился напротив аэропорта. Оказалось, тут и есть наш отель. Ну, что делать? Стали ещё час выгружаться. Только бассейн нас и спасал. Кстати, хороший бассейн,

с доской для прыжков в воду. Как мы с неё прыгали, какие только выкрутасы не устраивали! Так что в последний день после напора советских артистов она, не выдержавшая, плавала одиноко по бассейну. Один московский командировочный был там через месяц. Говорил, что бассейн так и стоял без доски.

Ну а в городе Хуигальпа московский администратор (настоящий, без кавычек), глава нашей делегации, оторвался. Как бывший художник, то есть человек с фантазией, он глубоко задумался над происхождением названия города. Перед каждым концертом он толкал пламенную речь о революции. Мы сидели в первом ряду и слышали её, конечно, уже раз двадцатый. Но в Хуигальпе москвич всё обставил с особым шиком. Вступил он со словами: «Дорогие жители Хуи... — Большая театральная пауза. В расплывшейся улыбке кивает всему залу, затем смотрит на нас, сползающих под кресла: мы ведь толком не понимаем, забыл он или что-то ещё. А потом на выдохе добавляет: — ...гальпы».

Почти отказались от советского паспорта

Буквально перед вылетом из Никарагуа в Мексику «Песняров» вдруг перебросили в Коста-Рику. Оказалось, над Гондурасом сбился самолёт такого же маршрута. В Коста-Рику добраться из Никарагуа по горным дорогам было непросто. А кроме того, граница оказалась на замке до утра. У нас ни еды, ни воды — так что провели жаркую ночь под шлагбаумом в компании с цикадами. А когда утром пришли пограничники, пропускали они нас с неохотой: не особо жаловали в капиталистической Коста-Рике коммунистов. Правда, компенсировала ночь в горах небольшая приветливая столица Сан-Хосе — замечательный город! Из Коста-Рики потом, правда, тоже летели над Гондурасом, но без посадок. В течение нескольких дней ожидания подходящего рейса дипломаты «успокаивали» нас, как могли: мол, военные, которые пришли к власти в Гондурасе, — ярые антикоммунисты, чуть ли не фашистский режим; а под мухой добавляли, как из приземлившегося в Гондурасе самолёта выводили русских и те на борт уже не возвращались. Но нам ведь это не грозило: летим без посадки! Заверений советских дипломатов нам хватило, чтобы снова расслабиться и кайфовать от поездки.

И вот — день полёта. Не успели набрать высоту, как объявляют о посадке. Неужели Мексика? Но в иллюминаторе появляется надпись: «Тегусигальпа» — это столица Гондураса. Разговоры, которые только что беззаботно велись по-русски, тут же прекратились. Каждый начал откапывать в уме хоть пару фраз на английском или немецком, чтобы под дулом отказываться от советского

Под концертными пиджаками на майках сзади был маршрут нашей африканской поездки 1989 года, а спереди — логотип «Песняров» в духе метал-групп

паспорта. Кто-то аж даже выудил из памяти что-то на шведском — уж не знаю, что эти фразы означали. Ну а грозный военный с автоматом наперевес появился в салоне незамедлительно. Тогда, думаю, не только я вспомнил, как в багаж на наших глазах загружали коробка с аппаратурой, на которых огромными буквами по трафарету было выведено «PESNYARY USSR». Мало того: когда самолет приземлился, мы, приоткрыв занавесочки, увидели, что наши ящики вытащили прямо на взлётную полосу, чтобы загрузить какой-то габаритный груз. Но то ли вояки оказались неграмотными, то ли советские граждане их не заинтересовали на этот раз — в общем, пронесло. Правда, после такого стресса «Песняры» с чистой совестью опустошили запасы спиртного на этом голландском борту и прилетели в Мехико вдрызг пьяными. А когда пару лет спустя наш самолёт где-то над Индией попал в грозу и дикую тряску, мы уже знали, как гасить напряжёнку.

Людоеды, малярия и пьянка в пустыне

Экстрима в Африке хватило на всю жизнь! Во-первых, «Песняры» сами сократили гастроли. Нас ждало пять стран, но в одну мы не поехали: там неплохо жилось людоедам. Во-вторых, на этих гастролях я подхватил малярию. Лихорадка, жар под сорок вроде нашего острого гриппа — лежишь на грани жизни и смерти. А местный врач поставил укол и смотрит в окно: «Всё, что мог, я сделал». Мне повезло: выкарабкался без последствий. Ну, пару лет в Минске отмечался после этой экзотической болячки и комаров с тех пор (особенно импортных) недолюблю. Ещё в Африке я понял: наши пьянки — это мелочь по сравнению с африканскими. «Песняров» из города в город по пустыне перевозили на микроавтобусе. В одной из поездок через час мы остановились набрать водички. Туда-сюда крутанулись, а наш водитель за это время набрался прямо за рулём, и на солнце его развезло. Впереди — ещё с полтысячи километров. В общем, пасли этого чернокожего парня, пока не протрезвел: ведь только он представлял, куда нас везти.

НЕМЕН ЗНАЛ О «ПЕСНЯРАХ»

Первая загранка запомнилась одной случайной встречей. Я шёл по набережной к гостинице, а наши ребята с кем-то оживлённо беседовали прямо на крыльце. Подбегаю: так это же сам Чеслав Немен! Тот, чьи пластинки мы уже заслушивали, знали, что он из Беларуси. И вот стоит рядом с нами простой парень, ничего о себе не придумывает, о деревушке родной на Гродненщине тепло вспоминает. Говорит на чистейшем русском языке. Помню, мы вцепились в него с расспросами: почему ушёл из музыкального училища в Гродно, почему из Союза уехал... А он безо всякой звёздной позы отвечал: «Потянула меня эта музыка...» Как не понять было: сами такие же! Даже вечернее отделение в моём минском музучилище было «куском Запада». Ну а словить в Бресте или в Гродно польские волны с западной музыкой — первейшее дело по приезде. Так что Чесик выглядел для нас иностранцем, но каким-то больно своим: белорусским, советским. Интересно, что о нас он уже слышал — до Сопота, из какого-то польского журнала запомнил заметку. У «Песняров» неполный год популярности, а о нас знает сам Немен, которого мы считали величиной в музыке, недалёкой от The Beatles! Отпад полный! А вот пригласить Чесика в Минск не догадались, хотя, конечно, всё решала Москва... Зато в разгар беседы хватились, что и подарить-то Немену совсем нечего: пластинки «для рекламных целей» уже раздали. Тогда я понял: не зря отстоял приличную очередь в минском магазинчике за парой лишних экземпляров. В общем, летел из номера по лестнице через три

ступеньки, но успел: на известном снимке с Чесиком я и держу заветную пластинку.

НЕМЕН ПРОДАВАЛ, А МЫ НЕ КУПИЛИ

Кстати, таким же простым парнем, своим в доску, Немен показлся мне в 1979-м. Вслед за Чеславом (у него было под сотню концертов по Союзу в тот год) мы «заряжались» на неделю в Сочи и побывали на его концерте. Конечно, играл он свои космические вещи совсем не для публики, тем более курортной. Но те, кто не ушёл (а целыми рядами вставали), услышали на «сладкое», как Чесик пел под акустическую гитару — тесситурно, высоко! Потом, пользуясь сопотским знакомством, за кулисами перебросились с Чеславом парой слов о делах да о здоровье. Вроде мимолётная встреча (к тому же последняя), но воспоминания остались приятные. Тогда же за сценой мы накинулись с любопытством на его невероятно сложную электронику. По тем временам это всё казалось чем-то потрясающим: мелотроны, имитаторы духовых — и только новейшие модели! А он, подогревая наш интерес, сам демонстрировал все возможности аппаратуры. Наверняка рассчитывал часть инструментов продать падким на импортное советским музыкантам, как это частенько и делали гастролёры из стран соцлагеря. Но «Песняры» у Чеслава, вопреки слухам о неменовских клавишах у ансамбля, ничего не покупали. Пусть и на пару лет позже, но что-то подобное всегда получали по валютным госзакупкам.

В МОСКВЕ «ОБУЛИ» НА ПЯТЬ ТЫСЯЧ

Когда филармония нас только начала понемногу обеспечивать инструментами, это как раз и были казённые гэдээровские гитары «Muzima», немецкий же электроорган «Ионика» и болгарский бас в духе «Honors». Потом пошли югославские инструменты и аппаратура. Другой вопрос, что их качество, звук часто не удовлетворяли. Даже наши собственные инструменты порой выглядели получше (я рассказывал, как, придя в «Орбиту-67», сразу обзавёлся румынским бэушным саксофоном, а потом и флейтой). Но даже купленных на гастролях примочек, всяких «вау-вау» уже не хватало. Вот тогда все стали копить на что-то серьёзное и приемлемое по цене из капиталистических стран. Так, Мулявин обновил гитары, Лёня Тышко купил американский «Fender». Но до прихода Борткевича пел в один микрофон с Мулявиным (причём один из первых, лучше, примерно такой, как на телезаписи «Тёмной ночи» в 1970-м, был подхвачен за свои из списанного радиинного комплекта). Ну а печальную историю моего француза-саксофона я уже рассказал. (Правда, на этом пути был опыт и похлеще: четыре года с 1968-го,

не считая коротких передышек, работали без отпусков — собирали «общак» на аппаратуру. А потом собранные тысяч пять рублей сами отдали в Москве какому-то аферисту — конечно, под «честное благородное».) Наверное, только пара последних закупок после плотного знакомства с Госпланом СССР была ничего — тогда дали возможность заказывать кое-что самим. В ту пору разжились жёлтым саксофоном «Selmer», новой флейтой, итальянскими барабанами «Holywood», Володиной двухгрифкой, гитарой «BC Rich» для Саши Растопчина.

«УЖАЛЕННЫЕ» в ванной СИЛАНТЬЕВА

И снова к Сопоту. Жаль, что на этом прекрасном польском фестивале почти не послушали музыку, а из того, что слышали, только «Червоны гитары» зацепили (они уже без Кшиштофа Кленчона пели, с которым я их впервые услышал в Минске — и влюбился в тот состав). Тот же Немен даже в «солянках» на сцену не выходил — просто гостил в Сопоте между гастролями. Сомневаюсь, что он и на нашем выступлении побывал. Зато «Песняров» встреча окрылила: как раз после неё сделали песню «Бродяга» («По диким степям Забайкалья») из репертуара Немена в его же манере. Правда, аранжированный Володей Мулявиным вариант сыграли едва ли не однажды — по-моему, во Львовской филармонии. Что-то от музыки Чесика чувствуется в песне «Ружы цвет». Да и неменовскую вещь для фестиваля в Зелёной Гуре наверняка Мулявин выбрал не случайно. Ну а в Сопоте выдали максимум своих возможностей перед многотысячной аудиторией — «Ой, рана на Йвана». Кричали, как «ужаленные», и вроде даже все верха в сложнейших аккордах чистенько взяли, несмотря на конкурсное волнение. Да, мы ведь там рьяно отстаиваем честь Родины — просто в ударе! А для публики, видимо, свежим ветром из СССР повеяло: очень доброжелательный был приём. Смотрю запись из Сопота — и не верю: никакого тебе зажима новичков, никакого страха телекамеры, которые преследовали ансамбль всего год назад, — как рукой сняло, невероятный шаг за считанные месяцы! Ещё двумя годами ранее «бригадой имени Мулявина» Белгосфилармонии колесили по колхозам! Что нас вытянуло? Упорство, настойчивость и чёткое видение цели, характерные для Володи, а за ним и для всего ансамбля. Но факт: без такого рывка «Песнярам» бы ни за границы, ни пластинки с четырёхмиллионным тиражом не видать.

И всё-таки по итогам конкурса фирм грамзаписи, где «Песняры» представляли Советский Союз, мы вторые. Правда, в отличие от некоторых советских артистов, которые бывали там прежде, званый не пробивали. Мы даже за удобства в номерах не поборолись!

Из всей советской делегации только известный дирижер, народный артист РСФСР Юрий Силантьев, который руководил оркестром во время конкурса в Сопоте, получил большой номер с ванной. Для остальных — скворечники с удобствами на этаже. Вот и выручал добродушный Юрий Васильевич: пускал нас, пацанов, помыться.

КАК «ПЕСНЯРЫ» МЭРА СОПОТА «ПОТУШИЛИ»

Перед отъездом из Сопота «Песняров», как и многих других гостей фестиваля, пригласили на встречу с мэром. Вопросы — дежурные. Понравилось ли вам на фестивале? Как находите наш город? Мы сразу расположили к себе руководителя «горисполкома», как и вахтёршу в гостинице, на редкость опрятным внешним видом: костюмчики, галстуки, стрижки аккуратные. За чаем-кофе нас спросили: «Кто вам нравится из польских артистов?» Для нас-то все музыканты из Польши — уже Запад. Мы с лёту называем несколько групп. И добавляем: «А больше всего нам нравится Чеслав Немен! Мы даже встречались с ним!» Мэр Сопота сразу «потух», а его помощник стал как-то вдруг благодарить нас и закруглять встречу. Когда выходили, поинтересовались у сопровождавших нас поляков, почему такая реакция на Чесика. Нам сказали, что он считается в Польше «неправильным, развращённым Западом». Ну вот, думаем, и у них то же самое: Чеславу приходится бороться за своё творчество. А совсем недавно вычитал, что подразумевалось под «развращённостью»: Немен выезжал в Италию, подписал там контракт, пел в ресторанах, записывал пластинки... Короче, работал как нормальный артист! Правда, концертов в Польше у Чесика всё равно хватало, записи выходили. Так что его не запрещали. Другое дело, что не приветствовали в полной мере.

НА СЦЕНЕ С МАККАРТНИ

Что касается контактов «Песняров» с кем-то из The Beatles... В этой замусоленной теме всё осталось только на уровне желаемого. Правда, в 1976-м мечта трижды могла стать явью. Осенью в одном из югославских городков мы выступили на той же сцене, что и Пол Маккартни. Вот только его группа The Wings уехала накануне. Как мы тогда вздыхали, что не успели хотя бы кусок концерта посмотреть, не говоря уже о том, чтобы руку пожать «битлу». Так что прямомиком кинулись к звукорежиссёру этой сцены — расспрашивать, что да как. И он нам божился, что, когда включал по очереди каналы вокальных микрофонов, «засёк» жену Пола, Линду, которая за клавишами вместо бэков мурлыкала что-то вполголоса. Ну а буквально спустя пару месяцев во время гастролей по США менеджер тура Сид Гаррис на волне успеха хотел пристроить нас на разогрев к The Wings

в Лас-Вегасе. Он от нетерпения чуть не взорвался: говорите «да» — какие могут быть сомнения! Но мы-то знали, чем может обернуться наше горячее «да», если «нет» скажут уже московские чиновники...

ХАРРИСОН, УЭЙКМАН и Людмила ЗЫКИНА

А ещё раньше, в январе, на музыкальном рынке MIDEM в Каннах Джордж Харрисон представлял свою студию. Потом мы вместе оказались на концерте пианиста Рика Уэйкмана из группы Yes. Правда, «Песняры» при бабочках (арендовали их у хозяина гостиницы) прибыли в составе советской делегации с Аллой Пугачёвой и Яном Френкелем. А наш кумир — в своей неформальной компании и в другом углу зала. Настолько далеко, что лично я Харрисона так и не увидел. Но Лёня Борткевич уверяет: разглядел Джорджа чуть не в деталях. Ну, это тот случай, когда Лёне и его острому зрению хочется поверить. (Он вроде и потом с «битлом» пересекался: статус олимпийской чемпионки Оли Корбут открывал в Америке все двери.) А вот потрясающее шоу Уэйкмана в огромном надувном шатре на несколько тысяч зрителей помню прекрасно. С открытыми ртами смотрели на десятки клавишных, на запредельную электронику на сцене и потихоньку сползали под кресла от офигенного звука. Посреди концерта у Уэйкмана что-то отсоединилось, технический работник выполз на сцену, состыковал место разрыва и до конца концерта героически не отпускал провода. Считай, полноправный участник концерта. Так мы воочию убедились, что косяки с техникой — это не привилегия советского артиста: все люди, все земные.

Похожие ощущения, кстати, остались от выступления Людмилы Зыкиной — как по мне, королевы в своём жанре! Дело было в Театре эстрады, наверное ещё до первых гастролей «Песняров» по России, в самые первые месяцы нашей популярности. В том сборном концерте мы не участвовали, я сидел в зале и просто кайфовал, в том числе от голоса Зыкиной. И вдруг она посреди своей второй песни забывает слова. Людмила Георгиевна, конечно, и бровью не повела: пропустила кусок и продолжила петь. А у меня было смешанное чувство восторга и... облегчения: уфф, значит, даже у неё случаются казусы на сцене!

«Вроде бы “Песняры”», или Кто сказал: «Поют, как боги, играют, как дети»?

Фразу «Поют, как боги, играют, как дети» в американской прессе во время гастролей 1976-го точно не Джордж Харрисон сказал (а с годами её приписывали и Маккартни, и Леннону). Сомневаюсь, что Харрисон на каннском MIDEM любопытства ради заглянул

на презентацию советских артистов. А вот менеджер ансамбля на американских гастролях Сид Гаррис вполне мог (но не факт: я уже говорил, почему меня терзают на этот счёт сомнения) произвести такое для красного словца. А кто-то взял да и подкорректировал фамилию ради созвучия — вот и пошла красивая «мулька». Ещё говорят, что Пол Маккартни упоминал «Песняров» в одном из своих интервью, но я этой статье не встречал. Зато администратор, который сопровождал в 2008-м Маккартни по Москве, рассказал нам, «Белорусским песнярам», об одном разговоре во время вечерней прогулки по Рублёвке, где «битл» давал частный концерт. Мой приятель спросил музыканта о современной российской музыке. Пол сказал, что не следит за ней, но помнит одну группу из старых с названием... «вроде бы “Песняры”». И у меня нет поводов не доверять своему источнику!

КАК НАМ БРЕЖНЕВ ПОМЕШАЛ

Вообще-то с Великобританией «Песнярам» определённо не везло. Отлично помню, с каким воодушевлением мы готовились к выезду на туманный Альбион: уж если «битлы» не едут к нам — поедем к ним сами! Мало того, условием принимающей стороны были съёмки телепередачи о советском ансамбле: как мы живём, что поём, где репетируем. Правда, тут и обнаружилась первая загвоздка. Руководитель разведён, живёт в общаге, остальные тоже слабо похожи на добропорядочных семьянинов, да и квартирки у нас не высший класс, у Маккартни точно получше будет. К тому же и наша репетиционная точка не выглядела презентабельно. В общем, руководители, видимо, посоветались и отвезли нас для встречи с английским менеджером в санаторий «Юность» на Минском море. Репетируем, ждём — и вот приходит чувачок в моднящем пуховом плащике. Познакомился с нами, сказал пару слов и... уехал вместе с нашей мечтой о Лондоне. Как нам потом объяснили, проект свернули, поскольку утром этого дня умер Брежнев. По мне, так довольно непрозрачная причинно-следственная связь.

ЛОНДОНСКИЙ БАЙКЕР

Но свою маленькую мечту о родине «битлов» я исполнил — приехал к дочке Каролине и внуку Майклу. Причём Каролина любит рассказывать, как я выходил из аэропорта с огромной коробкой на плече — привёз тогда двухлетнему Мишке тяжеленный мотоцикл. А потом, как ребёнок, сам катался на нём по району перед мужиками-соседями, которые повыскакивали из своих домов посмотреть на «настоящего русского». И то правда: какой русский не любит быстрой езды! Майкл, кстати, сам говорит, что, коль в его детстве мы

виделись нечасто, он и запомнил меня весёлым и жизнерадостным. И это здорово, потому что по-настоящему. Как-то сказал, что дал бы мне лет тридцать по характеру, по манере одеваться. Значит, неплохо я сохранился!

Жаль только, что с «битлами» так и не встретился в Великобритании. Правда, в один из следующих приездов побывал на школьном празднике у внука. И оказалось (об этом мне потом рассказала дочь), что я стоял рядом с Роджером Уотерсом из Pink Floyd, который привёл своего сына (от третьей жены, кстати). Каролина до сих пор сожалеет, что мы не познакомились и не сфотографировались на память.

Надоело кланяться...

Зачем и без того популярным «Песнярам» потребовалась крупная форма? Для кого? Вопросы эти не раз задавали и зрители, и критики. Даже мы Мулявина ими терроризировали. Володя тогда часто повторял: надоело кланяться после каждой песни (а это два-три-четыре концерта в день), когда можно поклониться один раз в финале. Шутка, конечно, но в каждой шутке... Тем более все мы достаточно продвинутые ребята, работали профессионально, значит, не могли не зацепиться за гремевшие тогда рок-оперы и серьёзную музыку. Да и песни стали уже испытанным чувством, обязателькой, а о чём-то масштабном Володя в своей гениальной голове задумывался давно. В «Касіў Ясь канюшыну» через плясовой ритм он почувствовал место для лирики и вставил после каждого куплета неожиданные замедления и акапельные фрагменты. (Хотя от них быстро отказались: всё-таки самая первая наша публика ждала от «Песняров» чего-то ближе к биту или даже рок-н-роллу.) А вещи для московского конкурса какие! «Хатынь» — больше чем просто песня. «Тёмная ночь» у «Песняров» развёрнута в балладу, как писала советская критика. Недавно переслушал и подумал: Мулявин не боялся сделать подпевки, прописать красивейшую мелодию в проигрыше, но обошёлся без модных наворотов ради самих наворотов, которые в перепевках чудные мелодии старых шлягеров просто убивают. Причём Володины находки, как минимум, соответствовали автору, Никите Богословскому (а тогда нам всё казалось, что слабенько как-то). На первом же диске «А ў полі вярба» — уже не просто развивает мысль, как и «Завушніцы» на втором: финалы тут распевные, ярко выраженные вступления. На таких популярных песнях мы и приобретали опыт: как относительно большие вещи воспринимаются, слушает ли их народ, как они вписываются в концерт. Конечно, во многих решениях Мулявина хватало риска, но ансамбль с крупной формой не прыгал через яму, глубину которой не знал. Вова чуял: на гитарном рёве далеко не уедем. Так что «молодёжный

период» прошёл быстро, «Песняры» скоро достигли потолка в чистой песне. И вот сначала пошли песенки подлиннее, потом — баллады, композиции. А «Ванька-встанька» на стихи Евгения Евтушенко стал последней каплей такого перехода...

ПЕРВЫЙ МИТИНГ «ПЕСНЯРОВ»

Думаю, Мулявин почувствовал, как должна звучать крупная вещь в нашем жанре, когда услышал рок-оперу «Иисус Христос — суперзвезда» Эндрю Ллойд Вебера. И в начале 1974-го в Западной Германии «Песняры» вкусили запретный плод: в кино шла экранизация рок-оперы. Запомнились потрясающая музыка Вебера, стереозвук, а таких голосов, такой манеры пения, как в «Иисусе Христе», мы и не слышали! Хотя, казалось бы, всё настолько просто... Впечатлило, в общем, как в своё время песни «битлов»! Ещё нас ожидало удивление от митинга, на котором протестовали против картины и этой рок-оперы в принципе: религиозная тема! Нам-то такое в новинку: одна толпа валит в кинотеатр, другая не пускает. Мы ещё посмеялись: да у нас один милиционер разогнал бы это собрание за три минуты с одним свистком! Здесь же полицейские стоят и мнут-ся, словно не знают, что делать. (Кстати, полиция за рубежом всегда удивляла: например, в Каннах стражи порядка просто излучали доброжелательность, а их форму дополняли галстуки и бабочки.)

«ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ» МУЛЯВИНА

«Крик птицы» — это вообще революция для «Песняров», вершина не только мелодизма Мулявина! Да, не патриотическая баллада, но какая тут драма! Не зря пытались изобразить какую-то театрализацию: было ясно, что просто со стеклянными глазами тут не выползешь. А стихи Юрия Рыбчинского ещё и слезу могут выдавить понятными каждому переживаниями. Никакую другую работу «Песняров» так не принимали из концерта в концерт — никогда такого не было ни до, ни после! Мой друг Юра Кунец, тончайший композитор и успешный бизнесмен, рассказывал, что ещё задолго до нашего знакомства был свидетелем, как его коллега-музыкант потерял сознание на «Крике» — таким сильным было его впечатление от музыки, от звука, от Мулявина в «главной роли»! Произошло это в Черниговской областной филармонии. После службы в армии Юра работал там руководителем, а «Песняры» как раз приехали выступать.

Пока мы исполняли «Крик птицы» из концерта в концерт, можно было даже спорить: выбежит не только девушка с цветами, но и мужик (правда, чаще всего нетрезвый), который рухнет на колени перед Мулей и начнёт целовать ему не руки — ноги! Когда эти

случаи участились, возле сцены поставили «песняровского» рабочего — крепкого парня, который фильтровал неадекватов. Однажды в свердловском зале «Космос» он засёк такого мужичка и подзывает его из-за кулисы: «Эй, чувак! Иди-ка сюда...» Тот, удивлённый, пошёл, как лягушка на удава. А «телохранитель» Мулявина как даст ему в лоб! В общем, мужичку уже не до концерта, а если такие сами на место не шли, их, в зависимости от состояния, передавали на руки милиции или «скорой».

«Отпустите гуся!»

С «Криком птицы», а точнее, с монументальным финалом композиции связана и такая история. Место действия, по-моему, солнечный Ташкент. Все сбились со счёта, какой концерт мы играем, но точно знаем — последний. А значит, «зелёный» — тот, на котором можно пошалить и за это ничего не будет. Традиция! Не наша, но подхваченная нами. Для чего она? Наверное, не понять это, когда у тебя один концерт в неделю и не успеваешь «позеленеть»: каждый раз работаешь в кайф и для себя, и для зрителя. То ли дело непрерывно двадцать дней мотаться по лучшим колхозам БССР, позже — по декаде три раза в день выходить на сцену в столицах республик и крупных городах Советского Союза. (Я уж молчу про то, как «Орбита-67» два-три месяца ездила по Сибири, Подмосковию и Крыму.) И когда приходил конец мытарствам, а в кармане оставались какие-то деньги, тянуло на шалости — такие, чтобы потом напиться и забыть. Важно, чтобы было смешно.

Так вот, «Крик птицы» в то время шёл последним номером концерта. Инициативная группа тайно (чем меньше людей в курсе, тем ярче эффект) отправила директора ансамбля Лёню Знака на базар за курицей. «Зачем?» — был его робкий вопрос. «Надо» — с таким ответом Лёня не спорил. Правда, он переусердствовал — притащил гуся. Кстати, отменного, жирного, по размерам — альбатрос, не меньше. И пока Володя в луче прожектора с надрывом пел в «Крике», гуся пронесли в осветительскую у самой сцены. Пустить птицу в полёт было решено к концу номера. В итоге на словах финального куплета «И бросили птицу на стол» тушка взлетела и пошла на стремительную посадку. У тех, кто был поближе к расчётной точке падения и не знал о гусе, как и я, всё оборвалось. Из зала летит нечто явно больше помидора, которыми могли наградить разъярённые (да и в кайфе ташкентские вроде бы) зрители. Но эти мысли заняли мгновение — гусь-альбатрос на моих глазах успешно приземлился рядом с Мулявиным.

Весь в образе, Володя и бровью не повёл, пока песня не закончилась, хотя звук «шмяк» был приличный. Но чуть погодя и он

рассмотрел диковинное животное у себя под ногами, стал проверять носком ботинка, кто это. Тем временем зрители шли с букетами, с поцелуями, со слезами, овации бесконечные (то ли Володину исполнению, то ли полёту гуся — шутка!). Это по ту сторону сцены. На ней самой случайно видевшие «НЛО» ржали, а знавшие о полёте ржали и хотели поскорее ретироваться во спасение: разнос от Мулявина казался неизбежным. Но... пронесло, не считая того, что он кое-кого (кого догнал) пнул коленом, когда вышел из состояния созерцательной задумчивости. А вот гуся отправили в ресторан.

Уже при очередных пересказах все вспоминали, что в момент, когда гусь пролетал сквозь луч прожектора, не хватало хорошего выстрела. Для обоснования сценического существования птицы. А публика, уверяли шутники, поверила бы.

ТАК ПАДАЛИ НА КОЛЕНИ ИЛИ НЕТ?

Но это было потом, когда от частоты повторения некоторых песен хотелось разве что хохмить. А поначалу появились композиции, затем Мулявин зацепился за жанр баллады. Здесь, конечно, Володя учуял своё! По полной раскрывался его шикарный мощный голос. А каким характерным артистом, с надрывом, с драматизмом, оказался Мулявин! Даже если не он солировал, само прочтение партии закладывалось Володей все годы, когда он так или иначе затрагивал этот жанр. Пусть все говорят, что программа на стихи Маяковского — это кризис, а по мне — практически идеальная аранжировка в «У меня есть мама», которую Мулявин как раз и «передал» языком баллады. И «Матуля, матуля...» из календарно-обрядовой программы (опять-таки с мулявинской аранжировкой) тоже вещь с балладным характером, только скрытым за юмористической формой. А ведь это плач: мужик с горя мамку зовёт!

Ну а в золотое их время баллады на самые серьёзные темы проходили в любых залах «на ура». Причём и мы сами, и зрители верили в них. Наличие патриотической тематики не требовало пояснений и не вызывало сомнений. Удивляла же необычная для эстрады форма. Скажем, были у нас прекрасные произведения Володи Мулявина на стихи Аркадия Кулешова. Это фирменные для ансамбля работы определённого периода, с углублениями и отступлениями в другие направления музыки. Потому они своего рода достижение на советской эстраде, отметка в её развитии. А значит, факт искусства. Говорят даже, что в Беларуси после коды «Вось і ўсё... Перад бацькам Мінаем устаньце ўсе бацькі на колені!» из «Балады аб чатырох заложніках» люди действительно падали на колени. Я такого, правда, не помню, зато на моих глазах автор стихов обеих баллад Аркадий Кулешов расцеловал Мулявина в знак благодарности.

«ОТРАВИЛИ» СЛУШАТЕЛЯ И ОСТАВИЛИ ЖАНР

Сегодня, конечно, в искренность тех баллад не поверит даже прежний благодарный слушатель — «отравили» его этим жанром достаточно. Кто-то вполне справедливо услышит фальшь в отдельных словах, кто-то удивится длиннотам (к чему ломать голову над балладой, когда можно две песни записать в эти же шесть-семь минут?). Наконец, восхищаться героями — даже настоящими, а не надуманными — стало сегодня просто неудобно. Но «Песняры» оставили жанр баллады задолго до такой смены ориентиров: у Мулявина к началу 1980-х после опыта крупных форм душа к нему не лежала. Не удивительно, что уже в «Баладзе пра маці» Игоря Лученка на стихи того же Кулешова, которой закрывался белорусскоязычный «балладный период», появляется ощущение шарманки. Пусть это музыка другого композитора, пусть вышла отличная вещь с приятной мелодией, но не то взято настроение, нет искренности, в который раз повторяются приёмы. Например, вокализ Толи Кашепарова. Да, ярко, профессионально, но такой ход — почерк Володиных аранжировок. Для тех, кто в теме, это воспринималось как предсказуемость.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО — КАШЕПАРОВ

Правда, для тех, кто не в теме, удивлений хватало. Пока одна венгерская группа в минском Дворце спорта стояла на сцене, мы за кулисами офигевали от их звучания. А уже после нашего выступления они кинулись к нам — не поверили, что Кашепаров брал на несколько октав выше «нормы» в вокализе «Песня памяти Виктора Хары». «Человек так не может!» — заявили венгры. Пришлось предъявить доказательства — живого Кашепарова.

«ЖАЛКО ВИКТОРА ХАРУ, НО ПРИ ЧЁМ ТУТ МЫ?»

Да, в 1970-е у «Песняров» появились номера из «датской» области», как авторитетно заявлял Игорь Лученок. («Я тут “датскую” песню написал, возьмёте?» — спросил он как-то на нашей репетиции. «На стихи датского поэта?» — «Да нет, к дате...») «Баллада о Че Геваре», «Песня памяти Виктора Хары» — Мулявин вряд ли испытывал к этим вещам тёплые чувства, а «доброжелатели» сразу зашипели: конец ансамблю — заказняк прёт. Но нам вдалбливали в голову, что нужна патриотика, только уже не партизанская, а интернациональная. Правда, мы толком и не знали, что там происходило на Кубе или в Чили. А раз всё понаслышке (как в анекдоте: Хаим напел), откуда взяться глубине? Жалко Виктора Хару, но при чём тут мы? Впрочем, друг «Белорусских песняров», прекрасный московский доктор Владимир Смольников не раз говорил: песня

о Викторе Харе ему особо запомнилась. Мол, как такую в 1970-е забудешь? Прорыв!

И все-таки, по мне, такие вещи и в голову не придёт сравнивать с «Камсамольскім білетам», а тем более с «Хатынью» — тогда Лученок и «Песняры», считай, упредили на пару лет соцзаказ. Кстати, тему Хатыни Игорь продолжил в своём творчестве — написал песню «Соловьи Хатыни» (мы её репетировали, сделали хоровой номер, но в репертуар так и не взяли, так что исполнял её Лёня Борткевич уже после ухода из ансамбля). У Лученка мы тогда спрашивали: «Игорёк, а когда будут другие звери и птицы этого места?» Правда, он с юморком это воспринимал: шутил, мол, заказ выбьете для меня — напишу, о ком хотите.

«Что, Змей, “мы идём по стране!”»

А ещё я недавно заметил, что в благостном расположении Игорь, бывает, напевает не свои блестящие «Вераніку» или «Мой родны кут», а... комсомольскую песню! «Что, Змей, — говорит он и затягивает: — “Мы идём по стране!”» Да и вообще, быть на одной линии с таким великим композитором, как Лученок, большая честь. В нём всё сошлось гармонично, идеально: музыкальный, национальный. Так что мы ему карьеру не подорвали, да и нашу произведения Игоря только укрепили. И сколько раз он нас просто выручал песнями, когда это было особенно важно, пусть даже эти вещи не становились всенародно любимыми. Ещё помню, как после авторского вечера Лученка в Москве был банкет в «Национале»: огромное фойе, фонтанчики журчат, Юрий Силантьев самогонку дегустирует, которую Игорь специальной привёз для москвичей из Беларуси. И вот Эдик Ханок (вот уж композитор, у кого песен известных и всенародно любимых предостаточно) встаёт и произносит тост: «Прекрасный концерт, отличная музыка, и я понял одно: сейчас я готов только к банкету». Тонко подчеркнул талант Игоря.

Так дочкой или сыном звать?

А ведь вместе с тем пошли песни-однодневки на патриотическую или гражданскую темы вроде «В земле наши корни». Как ей поверишь, когда над словами исподволь посмеиваешься: «зови меня дочкой, зови меня сыном»! Что же за существо получается? Автор стихов Долматовский, видимо, в вопросе не разобрался до конца, поспешил. Хотя когда в Польше в середине 1970-х у нас требовали чего-нибудь новенького, её с руками оторвали редакторы радио и даже студию дали для записи. Всё-таки вещь была вполне для массового исполнения, выполнена по какому-то «стандарту». А ещё и тема патриотическая: земля, корни.